

Андрей
Козырев

ЗВЕНО СИБИРСКОГО ПУТИ

ЗОЛОТОЙ ПЕСОК

Мне вверен труд, пока не грянет срок, —
Я промываю время, как песок,

Просеиваю в строчках прах веков,
Взметнувшийся из-под чужих подков,

Ищу, свищу, взыскую, ворожу
И золотой осадок нахожу.

В нем был хрустит,
как золотая пыль —
Погоня, плен, серебряный ковыль,

Хазарский свист, столетий звездопад
И облаков кочующий Царьград,

И сплетшиеся замертво тела,
И двух людей пронзившая стрела —

Меня — с певцом, что в том, былом веку
Гремел струнами «Слова о полку»...

И, мучаясь, тоскуя и любя,
Из древних стрел я выплавил себя.

Я выплавил из сабель свой напев,
Что лишь окрепнет, в душах отзвенев.

И пусть течет сквозь веки и века
Моя строка, как Млечная река,

Как трубы птиц над Сулой и Двиной,
Как лисий порск,
как древний волчий вой.

И не найдет вовек в пути преград
Небесных туч кочующий Царьград!

СИБИРСКАЯ СУДЬБА

Мне велено тебя, моя судьба,
Встречать у пограничного столба,

Меж скифскими степями и тайгой,
Меж золотой пустыней и пургой,

В лукавых, луком согнутых краях,
Что Лукоморьем прозваны в веках,

Где в солнечном сплетении страны
Восток и Запад переплетены.

Звени, звено Сибирского пути!
До Океана вместе нам идти —

От петербургской царственной волны
К теням китайской вековой стены,

Туда, туда, где вечный Океан
Нам мерой жизни и волненья дан,

Туда, где будет прервана судьба
Серебряным сверканием серпа...

ПРИЗЫВ К ТОПОРУ

Мало было нам лихого слова –
 Подавай гражданскую войну!
 И топор, убивший Пугачева,
 Каши наварил на всю страну...

Накормили кашей топоринной
 Семью семь народов и племен –
 И назад, за удалью старинной,
 В вертоград невянущих знамен.

Топоры потратили на кашу –
 Нечем дом поправить вековой...
 Лишь топор да каша – пища наша,
 Правда, злой поросшая травой!

Думай, грезь, плыви не по теченью,
 Выбирай свой путь из века в век...
 ...Но пустить топор по назначенью
 Не желает русский человек.

МЕТЕЛЬ

Под нескончаемый жалобно-бабий
 Русской метели космический вой...
Виктор Кирюшин

Сколько бы птицы ни пели,
 Но – всё звенит над судьбой
 Русской старинной метели
 Бабий космический вой.

В мае, июле, апреле
 Слышу я над головой
 Русской сиротской метели
 Бабий космический вой.

Днем, на закате, в постели, –
 Слышу, пока я живой,
 Русской исконной метели
 Бабий космический вой.

Слышу, как древле негромко
 Пели на гусях певцы,
 Слезы собирали в котомку
 Пращуры, деды, отцы.

Вы, настрадавшись годами,
 Отговорив, отзвенев,
 Мне завещали – с трудами –
 Русской метели напев.

Выпало, значит, мне дело:
 Слезы стирая с лица,
 Время вращать неумело,
 Ждать векового конца,

Где различу еле-еле,
 Там, над седой головой, –
 Русской сиротской метели
 Бабий космический вой...

ФИЛОСОФСКИЙ ДИПТИХ

1

Бог вечереет. Алый небосклон
 Цветистее переводной картинки.
 Закат изогнут над рекой времен.
 И камни у дороги греют спинки.

Сухой огонь песка не жжёт ступней.
 Коснулся ветер губ твоих – и замер.
 А губы пахнут солнцем и слезами...
 Касаюсь их – все горше и нежней...

Покрыта рябью сонная вода.
 Рябь небосвода – радостней и зыбче...
 Вдвойне прекрасен, грозен и улыбчив
 Мир накануне Страшного Суда.

Пустынен пляж. И облако, как флаг,
 Дрожит над миром, предвещая грозы.
 И мир жесток, и мир прекрасен – так,
 Что вместо глаз – одни сухие слезы.

Глаза закрою. Спрячу свет звезды
 Под чутким веком, веря и надеясь...
 И я сгорю в костре, который – ты,
 И только там я, может быть, согреюсь.

2

Вода, песок и небо над землей.
 Я ухожу из быта в мирозданье.

Руками ветра над большой рекой
Бог лепит из деревьев изваянья.

Когда в душе – расплавленный закат,
Зови тоску, как хочешь,
хоть – любовью.

Я лью из уст признаний тонкий яд...
Дрожат твои изломанные брови...

Пять лепестков скупой руки моей
В траве твоих волос
скользят неслышно...

Поэт, пророк,
паяц, прелюбодей,
Я мчусь к концу.
А время – неподвижно.

Лечу глазами вслед за стаяй птиц,
Теряющихся в космосе победно.
Закат стекает каплями с ресниц,
И небосвод звучит –
призывно, медно...

Он, чувствуя, как мир наш одинок,
Звучит в тиши небесною трубою,
И пустоту, которой имя – Бог,
Заполнить хочет – может быть, собою.

ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ

Оратория

Там, где кедры шумят
над рекой – Тишиной,

Там, где стаями ходят таймени,
Где лоснится и тает мерцающий зной,
Где курчавятся синие тени,
Где кузнечик,
как Гамлет, твердит монолог

Водомерке – Офелии хрупкой,
Где под каждым кустом
отдыхает пророк,
Где ковчег – в каждой малой скорлупке,
Там, где вечность
качается серым крестом
На забытом живыми погосте,

Там, где люди не знают,
что будет потом,
Но живут – беспричинно и просто,
Там, где звезды
не слышат во тьме волчий вой,
Над бездонною тленностью мира,
Над водою живой, над травой-муравой
Простираются чёрные дыры.

Небо чёрной дырою над миром стоит –
Над сияньем побед,
над круженьем обид,
Над потехами чести и славы,
Над войной, над грехом,
над расправой –
Пламенеет небесная чёрная тьма,
И тоскует, и сводит несчастных с ума,
И тоскует, и манит людей пустота,
Ни за что, ни за кем,
в никуда, навсегда...

Ты не хочешь пропасть?
Хочешь жизни земной,
Мелкой, как таралетка на блюде?
Чернота каждой буквы
сквозит глубиной,
Из которой – вовек не вернуться...
Монитор на столе обжигает глаза
Чернотой, что внутри человека...
Хоть усни –
в сновиденьях укрыться нельзя
От мерцания неба под веком...

Человек забывает, чем жил, что любил,
И ложится на землю,
в душистую пыль,
И глядит в черноту, и глядит в высоту,
Только видит за мраком загадку не ту...
И исходит душа, этим мраком дыша,
И сочатся глаза, –
утереть их нельзя, –
И дрожат небеса, и трава-мурава
Прорастает сквозь тело, жива и права...
Но молчат заповедные чёрные дыры,
Но зря обжигает сияньем полмира,
И дрожат чудо-слезы на кончиках век,
И летит, и летит в никуда человек...

И вздыхают пещеры,
и снится надежда:
Может быть, там, за тенью,
не будет, как прежде?
Может быть, я пойму смысл этой игры
По ту сторону жизни... и чёрной дыры?

ТОЛПА НА ВОКЗАЛЕ

Есть дар, есть чувство –
слепоты судьбы.
Вот от вокзала по дорогам чёрным
Течёт густое варево толпы,
Течёт покорно, слепо и упорно...

А город задыхается в пыли.
Пыль, как зола на вечном пепелище,
Летит от края до конца земли,
Колдует, ворожит, чего-то ищет...

Но скоро жаркий день умчится прочь,
И вместо мёда городского зноя
Сойдет густая, словно дёготь, ночь,
Взыскуя, будоража, беспокоя...

И все – поэт, и странник, и злодей –
Замрут на миг, забыв все окаянства,
И всё поглотит – зданья и людей –
Степной судьбы
развёрстое пространство...

МОЁ СТЕПНОЕ ЛЕТО

И вот оно, моё степное лето:
Густые кроны. Вечер. Тишина.
Меж фонарей –
слепых осколков света –
Сверкает мангазейская луна.

Над нашей жизнью –
ложью фарисейской –
Она звенит, как серебристый щит
И отголоском тьмы гиперборейской
В фальшивых песнях
серых дней звучит.

А в полутьме мерцает запах мяты,
Прохожие спешат к своим мечтам,
И отголосками судьбы разъятой
Рассеян я по лицам и годам.

И, как труба, звучат светло и слепо
Фонтаны, площади, асфальт, бетон
И вечность, что раздвинута, как небо,
Над городом, что впал в великий сон.

Панели, крыши, гул мятежных улиц,
Пустые площади, вечерние огни –
Как я хочу, чтоб к нам они вернулись
Потом, спустя века. Взгляни, взгляни:

Как пальцы, переулки сплетены,
И кареглазый вечер в небе мнётся,
Не смея ни нарушить тишины,
Ни воробья спугнуть.
И сердце бьётся, –

Смерть, как ладонь,
нага, тепла, близка,
И пахнет вечным сумрачным покоем
Неверный блеск летучего песка
Над серыми громадами и зноем...

POST SCRIPTUM

Пролетят лучистой пылью миги,
Все труды и дни житья-бытья.
Записью в конторской пыльной книге
Станет жизнь нелепая моя.

А коль спросят: как ты жил? – поэта?
Жил, дурил, влюблялся... ну, как все.
Время металлического цвета
Пролетало мимо по шоссе.

Строил планы. Измерял маршруты.
Был порой от злобы – сам не свой.
Верил. Гулливерил. Лилипутил.
Но в конце – остался сам собой.

В небе был всеильным, как молитва.
На земле – бессильным, словно бог.

Строчкой, безопасно, как бритва,
Ни поранить, ни спасти не мог.

От цветов всего земного спектра
Не осталось в жизни ни черта...
Только дождь на Любинском проспекте,
Только синева и пустота.

Только ложь и невозможность встречи,
Только темный, мокрый город мой,
Только дождь,
унылый, древний, вечный,
Под которым я бреду домой –

И во тьме навзрыд срываю нервы,
Полный слез, как влаги – решето,
Детскими глазами глядя в небо
И шепча: за что?
За что? За что?

ОДИН В КОМНАТЕ

Поэма сумерек

Один человек
И одна большая муха
Сидят в гостиной...
Из японской поэзии

1

Осенний вечер. Дом холостяка.
За окнами
чуть слышно
дождь бормочет.
Как мотылек, накрытый чашей ночи,
Мой стих дрожит,
впиваясь в край листка.
Слова чисты от старой шелухи.
День убегает серыми дворами.
И сумерки, стекая вниз по раме,
Неслышимо слагаются в стихи.

И комнат молчаливое тепло,
Раздвинутое сумерками жизни,
Звучит в тиши как будто с укоризной –
Ты понял, как тебе не повезло?...

Кому, зачем всё это было надо –
Преподнести мне за мои грехи
Безлюдный дом, и горечь листопада,
И тишину на дне моей строки?...

...Иголкой в стоге потерялось лето,
А осени безмерна глубина.
Растаивают в сумраке предметы,
И в чайнике дымится тишина.
Всё это было.
Только было проще
Сгореть мне в сером сумрачном огне,
Где дождь осенний сухо, тихо ропщет –
Он так устал гримасничать в окне...

В тиши чуть слышно тикает будильник.
Уходят звуки чередой во тьму.
Желудок голоден, как холодильник,
И холод общий –

в нём, во мне, в дому...

И пустота глядит с небес с укором.
Невзрачен жизни серый ореол.
И каменное яблоко раздора
Декоративно украшает стол.

2

Сникает, наклоняясь, у окна
Сухой букет среди сумерек бездонных,
И над часами с медным скорпионом
Пulsирует и плачет тишина,
И древний шум реликтовых морей
Из раковины, привезенной с моря,
Доносит голоса любви и горя
Иных, бессмертных,
пролетевших дней...

В молчанье втрое значим каждый звук.
Мой космос расширяется –
украдкой.
За гобеленом, вышитым прабабкой,
Прядёт свою вселенную паук.
Цвет, звук, предмет –
ушли в страну чудес.
Мир связан, как платок,
из пряжи серой.
В окно моё вторгается без меры
Космическая седина небес...

Дождь сыплется из арок небосвода.
Звучит природа, как органный зал.
Господь, изъязв поэта из природы,
Ему свои законы предписал:

Наперекор дороге вдаль идти,
Любить, творить,
искать всему причины,
В сплетениях астральной паутины
Вслепую находить свои пути.

Но, сколько ни скули и ни пророчь,
Стихов разнокалиберная стая,
Страницы тонких сумерек листая,
В глазах мелькая, улетает в ночь,
А есть – лишь серость,
сухость,
пыль и прах,
Круги холодных сумерек над нами.

Их серое неслышимое пламя
Сжигает мир в холодных зеркалах...

3

Патриархальных сумерек урок
Пришелся кстати. Для моих попыток
Познать себя ещё не минул срок.
И небеса развёрнуты, как свиток...

Придёт пора пасти свои стада –
И я пойму: учить мне было надо
Несложную науку листопада:
Лететь из ниоткуда в никуда –

В те незамысловатые края,
Где вечны персонажи тихой драмы –
Пустынный дом

и дождь, прилипший к раме,
И жёлтый лист, и сумерки, и я.

Андрей Вячеславович Козырев родился в 1988 году в Омске. Автор поэтических сборников «Небо над городом», «Мелодия для луны с оркестром», «Терпенье корней», «Любовь чайника», «Дневник одного путешествия», «Книга родства», «Человек говорит».

Имеет поэтические публикации в журналах «Арион» (Москва), «Кольцо А» (Москва), «Журнал ПОэтов» (Москва), «Пролог» (Москва), «Нива» (Астана), «День и Ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Гостиная» (Филадельфия), «Книголюб» (Алма-Ата), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Литературный Омск», «Литературный меридиан» (г. Арсеньев), «ЛикБез» (Барнаул), альманахах «Складчина», «Точка зрения», «Менестрель», «Тарские ворота» (Омск), «Путник» (Херсон), «Подлинник» (Кишинев), журналах «Пилигрим», «Омская Муза», «Иртыш – Омь», коллективных сборниках «Литеры» (Москва).

Главный редактор литературно-художественных альманахов «Точка зрения» и «Менестрель». Глава оргкомитета Международной литературной премии им. И. Ф. Анненского. Организатор регионального движения «Красная книга культуры». Администратор областного сайта молодой омской поэзии «Молодежный проспект». Участник Международного Волошинского конкурса. Руководитель литературной студии «Магнит». Лауреат областной литературной премии им. Ф. М. Достоевского (2009) и областного конкурса им. П. Васильева (2009). Член Союза писателей Москвы.

